

что армянская внешняя политика может пойти на опасные зигзаги.

— С вашей точки зрения «Восточное партнерство» еще сохраняет свою полезность?

— «Восточное партнерство» — это платформа сотрудничества и диалога. Если эта платформа за то, чтобы сотрудничество и диалог были за счет кого-то, то мы в такой платформе участвовать не можем. Это против наших принципов. И мы, как участники, этого не позволим. В нашем присутствии этого не может происходить.

— У трех стран-участниц «Восточного партнерства» — Грузии, Украины и Молдавии — цель обозначена четко: интегрироваться в ЕС. Некоторые еще и о НАТО говорят. «Восточное партнерство» для них — инструмент такой интеграции. У Армении какая финальная точка отношений с Западом в рамках этого партнерства?

— Что вы имеете в виду, когда говорите о финальной точке? О каком сроке вы говорите? Через 500 лет или через 50 лет? Или через пять лет? Где ваша финальная точка?

— Никто: ни Украина, ни Грузия, ни Молдавия — не говорят о том, когда именно они станут членами Евросоюза. И в ЕС никто не говорит об этом. Но цель такую эти страны себе поставили.

— Тогда возьмем финальную точку ту, которой мы сейчас занимаемся, и о которой говорим. Мы — члены ЕАЭС. У нас партнерство с ЕС, повестка с США. Есть повестка с Грузией и с Ираном — они наши соседи. Назовите это финальной или еще какой-нибудь точкой, но у нас есть сложившиеся форматы и платформы сотрудничества, которые рассчитаны исходя из того, как мы видим наше развитие и безопасность. Мы видим, что все, что мы делали до сих пор, служит этим целям — развитию и безопасности.

— Правильно ли я понимаю, что для Армении «Восточное партнерство» — это некий процесс? Потому что для Киева, Тбилиси и Кишинева это инструмент прихода к финишу в виде членства в Евросоюзе.

— Для нас это механизм и инструмент тарий консолидации процесса развития Армении. Если вы посмотрите содержание нашего договора с ЕС, то там есть разные блоки: правосудие, секторальные области, взаимодействие на различных политических площадках. Там ясно видно, как это сопоставимо с нашим членством в ЕАЭС и как это воздействует на укрепление Армении. Мы уверены в том, что сильная и стабильная Армения — хороший партнер.

— Возможна ли сильная и стабильная Армения в условиях неурегулированного нагорно-карабахского конфликта?

— Абсолютно верно говорите. Разрешение этого конфликта было и остается приоритетом не только нашей внешней политики, но всей системы государственности и безопасности.

— Обычно, когда к власти приходят новые люди, они заявляют о новых подходах к старым проблемам. Стоит от Еревана ждать новых подходов в карабахском урегулировании, активизации переговоров, попыток выйти на компромиссы? Особенно с учетом той эскалации, которая была в 2016 году?

— Все изменения, которые в последнее время происходили в Армении, в первую очередь, не имели внешнеполитической повестки, а во-вторых, не были движимы карабахским вопросом. Это очень важно. У нас есть динамика переговорного процесса, есть достаточно тяжелый фактор апреля 2016 года, есть переговорный формат сопредседателей минской группы ОБСЕ — России, США и Франции.

— Есть даже наработки на столе переговоров.

— Есть наработки и есть вещи, которые мы сейчас оцениваем. И есть намерение продолжать курс на мирное урегулирование в рамках формата сопредседательства. Вот здесь мы сейчас находимся. Есть такой важный фактор, как консолидированность армянского общества в вопросе Нагорного Карабаха. Нагорный Карабах для нас был и остается вопросом безопасности конкретных людей с конкретными именами — это население Нагорного Карабаха.

Их безопасность и статус остаются для нас самым важным вопросом. Безопасность 150-тысячного населения Нагорного Карабаха — это вопрос, который объединяет и консолидирует армянское общество в Армении и за ее пределами. Мы разумные люди и имеем твердые основания выдвигать вопросы нашего первоочередного беспокойства по поводу безопасности и статуса Нагорного Карабаха. Нам нужен регион, который живет в мире, но не за счет безопасности наших людей. Вот в этих рамках мы хотим продолжать переговорный процесс ради мира и безопасности всего региона.

— Есть мнение, что Баку присматривается к ЕАЭС. Некоторые наблюдатели даже не исключают, что Азербайджан может подать заявку на получение статуса наблюдателя, тем более что институционально такой механизм уже создан — Молдавия такой статус недавно получила. Если вдруг Азербайджан и впрямь решит двигаться в этом направлении, сблизиться с ЕАЭС, какой будет позиция Армении?

— Азербайджан является страной, которая сегодня блокирует Армению. Принимает односторонние меры против Армении.

Баку ведет политику, которая направлена на то, чтобы не способствовать каким-либо процессам взаимодействия, созданию атмосферы доверия, налаживанию человеческих контактов.

Мы имеем дело со страной, которая всячески стимулирует атмосферу ненависти. Посмотрите даже на терминологические обороты, которые используются против Армении и против армян во всем мире. ЕАЭС — это организация сотрудничества. Чего вы от нас ожидаете?

— Ваш ответ я могу ужать до одной фразы: если Азербайджан захочет вступить в ЕАЭС, то Армения скажет: «Мы против».

— Вы оформили позицию Армении. — Я скорее интересуюсь, можно ли так оформить позицию Армении.

— Если серьезно, я скажу, что мы не можем не учитывать реалии.

— В ЕАЭС же консенсусом решения принимаются. Если Армения будет против — Азербайджану не быть наблюдателем.

— Мы не можем не учитывать существующие реалии при обсуждении вопросов, которые касаются сотрудничества. А реалии таковы, что мы имеем ситуацию абсолютного отказа от каких-либо взаимоотношений. Даже человеческих контактов, я уже не говорю об экономических. Так о чем мы говорим? Чтобы мы имели наблюдателя, который игнорирует одну из стран? Который считает, что с этой страной не стоит и разговаривать?

— 2016 год показал, что в Нагорном Карабахе легко может польхнуться. И в этом смысле странам, которые друг на друга смотрят через прицел, надо двигаться к компромиссам. Хочется понять, насколько возможно это движение?

— Я верю, что это движение возможно. И верю, что мир и стабильность региона очень важны для всех. Но если вы заметили, мы много внимания уделяем еще одному моменту — эти процессы должны происходить в климате, способствующем миру. Важно, в какой атмосфере идут переговоры: в атмосфере, которая способствует миру или тому, чтобы люди друг друга больше не навидели.

— Армения считает, что народ Нагорного Карабаха имеет право на самоопределение. На Кавказе есть две республики, которые самоопределились: Абхазия и Южная Осетия. Их независимость признали некоторые страны. Армения может признать их независимость?

— Мы сторонники мирного урегулирования конфликтов. Мы воздерживались от признания независимости Нагорного Карабаха, потому что являемся сторонниками урегулирования всех вопросов через переговорный процесс. В этом основа нашей позиции во всех других вопросах.

— То есть Абхазию и Южную Осетию Армения признавать не будет? — Мы и Косово не признали.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

КОСМОГРАД-НА-ДОНУ

Орбитальная, Космонавтов, Стартовая, Шаталова, Волкова, Пацаева, Добровольского, Комарова... Первое, что приходит в голову ростовчанина - Северный жилой массив. Наверняка каждый из нас не раз задавался вопросом: какова связь космоса с Ростовом-на-Дону, а тем более с обычным городским микрорайоном? Да и сам Байконур от нас почти в 2,5 тыс. км. Дабы разобраться в этом вопросе, «ННД» встретился с бывшим главным архитектором Северного жилого массива Норальдом Нерсесьянцем.

— Норальд Николаевич, чья была идея назвать улицы микрорайона именами предстателей отечественной космонавтики?

— Это был 1971 год. Тогда наименования улиц занималась специальная комиссия. Думаю, это была их затея, которая оказалась очень удачной. Ведь строительство Северного жилого массива совпало с эпохой великих космических достижений. В эти годы я занимался корректировкой проекта с Генрихом Ивановым. Именно с ним мы разработали окончательный вариант планировки. А в 1972 году проект был утвержден. Первый завершённый проспект решено было назвать имени Космонавтов. Я порекомендовал комиссии. Быть может, на этом космическая тематика и закончилась бы, если бы не последующие ката-

строфы и гибель наших космонавтов. Сначала погиб Волков, и первую пересекающую Космонавтов улицу назвали в его честь. Затем смерть настигла Комарова и Королева. Поэтому последующие улицы названы их именами. Таким образом, возникла традиция называть улицы нового микрорайона именами отечественной космонавтики. А последние, завершающие проект, улицы было решено назвать Орбитальная и Планетарная.

— А есть ли еще где-нибудь в России нечто подобное, или ростовский «космоград» уникален?

— Насколько я знаю, нет! Но зато раньше очень модно было именовать улицы в честь 15 союзных республик и их столиц. Таких городов много. Взять хотя бы наш маленький Батайск. Там до сих пор имеются улицы Украинская, Белорусская, Ар-

мянская, Литовская и т.д. Бесспорно, нет ничего проще, чем назвать проспект Ташкентским или Чукотским. Тем более городами Россия и сейчас не обижена. Другое дело — наш проект. И если какие-то «горячие» головы попытаются переименовать, скажем, улицу Рижскую на Красноярскую только из-за того, что латыши оказались не друзьями, то наша космическая задумка будет жить вечно. Ведь как ни крути, а космонавтика — это очень важное достижение в российской истории.

— Почему было решено отстраивать именно север города? Ведь у нас почти пустует левый берег Дона. Не проще ли было отстроить «левбердон» и «пустить» Дон по центру города?

— В том-то и проблема, что соседство Дона с жилыми комплексами нежелательно. Левый берег — паводкоопасная зона. Предстояла бы большая и кропотливая работа. Да и слишком дорогое удовольствие. Для того

времени, чтобы намыть куб земли, нужно было выложить один советский рубль. А это были немалые деньги, если учесть, что таких кубов потребовалось бы немереное количество. У нас и

новых микрорайонов близ Дона. Нужно так же, как и с Северным, придумать что-то оригинальное, на веки вечные и отходить от банальностей.

Вадим АРУТЮНОВ